

КРУГИ ВОРОНОВ

ПОТОМОК
ОДИНА

СКВЕРНА

ПОТОК

СИРИ ПЕТТЕРСЕН

КРУГИ ВОРОНОВ

СКВЕРНА

МОСКВА
2020

УДК 821.113.5-312.9
ББК 84(4Нор)-44
П29

Siri Pettersen
RÅTA

© Siri Pettersen 2014 by Agreement with Grand Agency

Перевод *Е. Лавринайтис*
Компьютерный дизайн *Р. Фахрутдинова*

Петтерсен, Сири.

П29 Скверна / Сири Петтерсен ; [перевод с норвежского Е. Лавринайтис]. — Москва : Эксмо, 2020. — 512 с.

ISBN 978-5-04-111258-5

Сто пятьдесят четыре дня после Имланда. После Маннфаллы. После Римера...

Хирка оказывается в умирающем мире, не зная, кому доверять. А еще она отчаянно скучает по Римеру и готова совершить что угодно, лишь бы увидеть его вновь. Девушка — разменная монета, затерянная в большом городе нашего мира. Чужая, как призрак. Но борьба за выживание — ничто, по сравнению с тем, что происходит, когда она понимает, кем является на самом деле.

В течение тысячи лет источник скверны жаждал свободы. Свободы, которую может принести только Хирка.

Хирка — новая кровь для старого зла. И судьба миров в ее руках.

УДК 821.113.5-312.9
ББК 84(4Нор)-44

© Лавринайтис Е., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-111258-5

*Всем, кому понравился «Потомок Одина»
и кто просто-напросто не смог промолчать об этом.*

И тебе. Тебе, кто любит эту землю.

*Тебе, кто борется в одиночку,
потому что пропасть между твоей мечтой
и нашей действительностью слишком велика.*

*Тебе, кто после своего ухода хочет
оставить этот мир в лучшем состоянии,
чем он был при твоём явлении в него.*

*Тебе, кто всегда знал, что мы движемся
в неверном направлении. Это твоя книга.*

ПРОЛОГ

Он сидел в туннеле перед платформой, прислонив к коленям картонную табличку. Жирные волосы скрывали лицо, но сомнений не было, это он. А двери поезда метро вот-вот закроются.

Стефан толкнул какого-то подростка и локтями проложил путь сквозь толпу. Хорошо, что у него в ушах наушники — они заглушают гневные возгласы. Одна бабка открывала и закрывала рот, как золотая рыбка, но у него в ушах звучала только музыка Трента Резнора.

You had all of them on your side, didn't you? (Все они были на твоей стороне, так ведь?)

Надо выйти. Немедленно. Он уже дважды упустил этого упыря, но подобное больше не повторится. Стефан бросился к двери вагона, локоть зажал, но он сумел выбраться наружу. Он вывалился на платформу, а поезд умчался вдаль. Здесь было полно народа. Подземный свет высасывал жизнь из лиц. Люди походили на зомби, но никто из них не был мертв настолько, чтобы не заметить случившегося, если Стефан решит проделать все здесь, внизу. Надо найти другой способ. И другое место.

You believed in all your lies, didn't you? (Ты верил во всю свою ложь, так ведь?)

Он вошел в туннель. Попрошайка вытянул руку, не глядя на него. Стефан улыбнулся.

— Привет, Жареный.

Жареный поднял голову. Едва он узнал Стефана, как тут же вскочил на ноги. Это произошло быстрее, чем Стефан мог

представить. Жареный побежал вверх по туннелю. Он был одет в черное и взъерошен, совсем как ворона. Стефан бросился за ним. Стук каблучков эхом разносился по выложенному кафельной плиткой туннелю. Он пронесся мимо билетного автомата, преодолел в три прыжка лестницу и вылетел на улицу. В лицо ударил дождь. Было темно. Жареный опережал его всего на несколько метров, но вот он бросился на проезжую часть и стал лавировать среди уворачивающихся от него машин.

Стефан не медлил — его гнал инстинкт. Визг тормозов. Он наткнулся на мокрый капот и помчался дальше. Гудки клаксонов смешивались с музыкой.

The Ruiner is your only friend, he's the living end, to the cattle he deceives. (Разрушитель — твой единственный друг, он — смерть скота, которому дурут голову.)

Стефан кинулся наискосок к площади Сохо и выиграл несколько метров. Люди оборачивались им вслед, но никто из них не станет особо беспокоиться, пока в роли добычи выступает бездомный.

The raping of the innocent, you know the Ruiner ruins everything he sees. (Насилие над невинным, ты знаешь, Разрушитель разрушает все, что видит.)

Жареный пробежал, расталкивая людей, через «Сейнт Энн Корт», свернул налево и двинулся дальше мимо «Флэт Уайт», кафе, где они впервые встретились. Легкие горели, но Стефан рассчитывал на то, что нищий чувствует себя еще хуже. Так и было. Попрошайка сбросил скорость, в ужасе огляделся и нырнул в помещение ночного клуба.

Now the only pure thing left in my fucking world is wearing your disease. (Единственная настоящая вещь, которая осталась в моем гребаном мире, носит твой недуг.)

Стефан протиснулся сквозь толпу вслед за ним. Жареного было легко заметить — неряшливый дикарь среди узких плащей и глубоких вырезов.

How did it get so hard? How did it get so long? (Как это стало так тяжело? Как это все затянулось?)

Жареный подбежал к запасному выходу, распахнул дверь и скрылся. Стефан успел добраться до двери еще до того, как она захлопнулась. Он оказался в проулке. В тупике. В самом его конце у мусорных контейнеров стоял попрошайка. Он дышал хрипло, как загнанный зверь.

The Ruiner's a collector, he's an infector, serving his shit to his flies. (Разрушитель — собиратель, он разносит заразу, подавая свое дерьмо мухам.)

— Игра закончена, Жареный, — Стефан приблизился к нему.

Беглец вжался в стену у водосточной трубы. Штукатурка вокруг ее креплений отвалилась и осыпалась ему на плечо. Дождь смыл ее вниз по изношенному пальто.

— Я ничего не сделал! Я ничего не сделал! — истерично вопил он.

Ложь. Кличку Жареный он получил не просто так, но Стефан не стал ему отвечать. В нем не осталось ничего человеческого, поэтому дискутировать было не с кем.

Maybe it's a part of me you took to a place I hoped it would never go. (Возможно, часть меня ты забрал туда, где я надеялся никогда не оказаться.)

Стефан прекрасно сознавал, что преимущество на его стороне. «Глок» может покоиться на бедре: пуля сэкономлена. Вместо этого он вынул плоскогубцы.

And maybe that fucked me up much more than you'll ever know. (И может быть, это так меня испортило, что ты и представить себе не можешь.)

Жареный широко раскрыл глаза и стал искать взглядом какой-нибудь предмет для защиты. Он оторвал металлическое крепление водосточной трубы. Болты упали на асфальт. Он принялся выбивать себе зубы, поранив при этом губу. Очевидное отсутствие боли указывало на то, что адреналин

был далеко не единственным химическим веществом в его теле.

And what you gave to me, my perfect ring of scars. (Ты дал мне лишь идеальный круг шрамов.)

Жареный выплюнул зубы в кулак и протянул Стефану.

— Возьми их! Возьми их! Ты не можешь меня тронуть, а то они найдут тебя! Мусора тебя найдут! — кричал он, и из его рта капал красный дождь.

Стефан взглянул на два зуба. Белые обломки в грязном кулаке. Вокруг них образовалась кровавая лужица.

— Идиот, — ответил он. — Мусорам плевать, от чего ты умрешь. Никто и копейки не потратит, чтобы это выяснить. Никому нет до тебя дела. Ты забыл об этом?

Стефан не стал дожидаться ответа. Он ударил беглеца локтем в нос. Голова стукнулась о стену. Стефан схватил зубы перед тем, как Жареный повалился на землю. Потом он оттащил тело в угол за контейнерами. Мусор выпирал из-под крышки, как будто контейнер рвало. Запахи смешались. Гнилая пища. Кровь. И вонь, которая указывала на то, что во время визитов в туалет Жареный стал не слишком опрятен. Наверное, после ста лет жизни это можно понять.

Стефан свернул ему шею. Жареный оказался крепким парнем, Стефан услышал хруст лишь после второй попытки.

Он опустил зубы в карман и осмотрел место преступления. Окон нет. Камер нет. Людей нет. Он в безопасности. Асфальт сверкал. Капли дождя колотили по крышке контейнера. Стефан провел рукой по мокрым волосам и засунул плоскогубцы обратно в сумку. Он одернул куртку и сделал музыку погромче.

You didn't hurt me, nothing can stop me now. (Ты не причинил мне вреда, теперь меня ничто не сможет остановить.)

ДЫРА

— Единственное, чего мы хотим — это душевного покоя, — сказала Телья Ванфаринн, положив руку на грудь. Цепь, которую она несколько раз обернула вокруг шеи, зазвенела.

Ример, можно сказать, страдал. Кто угодно узнал бы этот спектакль, даже если рос не в Маннфалле. Она была одета в угольно-черное траурное платье с рукавами до пола, как вдова, хотя ее совершенно живой муж стоял рядом с ней. Ее горе было не чем иным, как нарядом, причудливым орнаментом, призванным вызвать сочувствие у присутствующих. Каким-то хитроумным способом ей удалось добиться встречи с Советом.

— Мы распадается на части, Ример-отче. От незнания. От того, что не можем понять смерть Урда.

Ример почувствовал, как уголок рта начинает подергиваться. При звуках имени Урда ему по-прежнему делалось нехорошо, и он не находил никаких признаков того, что это пройдет. По крайней мере до тех пор, пока место Урда свободно. Оно было подобно кровоточащей ране в кругу членов Совета, откинувшихся на своих креслах. Опасной раной. Воспаленной. Раной, о которой невозможно говорить, не вызвав суеты, способной разбудить половину Шлокны.

— Мы принесли вам свои соболезнования, — ответил Ример. — Я сам нанес визит главе дома Ванфариннов. Она знает, что случилось. Ты... дочь ее сестры?

Он посмотрел на Телью, которая без приглашения подошла ближе к столу.

— Ворононосец, наша мать стара, — сказала Телья, не ответив на вопрос. — Ее память уже не та, что прежде. Ты оказал нам честь, нанеся ей визит, но... Кое-какие слова, которые она приписывает тебе, кажутся... Как бы это сказать... — Телья поправила цепь на шее.

— Невероятными, — закончил за нее Даркдаггар. — Настолько невероятными, что семья вполне может пожелать получить подтверждение этим словам от имлинга, который лично присутствовал при гибели Урда.

Ример ожидал нападения, но не думал, что оно будет таким открытым. Он посмотрел на члена Совета.

— Ты хочешь привлечь меня к ответственности, Даркдаггар?

— Никоим образом, Ворононосец. Семья Ванфаринн просто хочет завершить это дело.

Казалось, Даркдаггар улыбается неживой улыбкой. На его лицо падал свет, отчего оно выглядело обескровленным, высохшим, контрастирующим с золотистыми стенами у него за спиной. Стены были разделены на 12 участков, на каждом из которых красовалось семейное древо семьи Совета. Ветви деревьев тянулись к сводчатому потолку. Когда Ример смотрел на них, у него создавалось ощущение, что он сидит в клетке, а спинка кресла — стена, плотно прижимающая его к столу.

Он пленник. Он прикован к месту, которое никогда не будет считать своим. Это кресло Илюме, матери его матери, и он поклялся никогда не занимать его. Но вот он здесь. Член Совета. Ример-отче. Ворононосец. В окружении врагов, которые используют каждый подходящий момент для того, чтобы спланировать его свержение.

— Завершить это дело? — Сигра Клейв сложила мускулистые руки на груди. — Урда убили в Равнхове, и до тех пор, пока дикари не ответят за это, дело не завершится.

Ример почувствовал возрастающее раздражение. Ему пришлось прикладывать усилия, чтобы не вскочить с места.

— Повторяю в последний раз, Сигра. Войны не будет. Сми-

рись. Равнхов нельзя привлекать к ответственности за то, что совершили слепые.

Сигра сделала вдох и приготовилась ответить, но ее опередил Даркдаггар.

— Возможно, но ведь мы не можем привлечь к ответственности слепых, так ведь? — Он отпил вино из бокала, пока члены Совета смеялись.

Ример посмотрел на Телью Ванфаринн. Ее щеки разгорелись от возбуждения. Наверное, смена настроения в зале понравилась ей и придала смелости. Маска горя спала с ее лица.

— Могли бы, если бы не тот факт, что никто их не видел, — улыбнулась она.

Ример встал.

— Никто?

Улыбка Тельи померкла. Она с мольбой взглянула на Даркдаггара. Ример не удивился. Это Даркдаггар организовал встречу Совета с Тельей, и Ример полагал, что он не раз обсуждал ее с Тельей. Сколько способов нападения они нашли, еще предстоит выяснить.

— Ничего личного, Ворононосец, — сказал Даркдаггар. — Телья лишь повторяет то, что все и так знают. Самая поразительная черта трупорожденных — это их полное отсутствие. Кто утверждает, что видел их? Горстка Колкагг? Так стоит ли удивляться тому, что народ говорит о заблуждении? Или об отравлении? Мол, вы съели что-то такое, чего не выдержали ваши желудки. Или же вы подверглись воздействию... колдовства?

За столом разразился смех. Ример сжал кулаки и подошел к Телье. Она отошла на несколько шагов назад, подметая платьем пол. Ример указал на нее:

— Вы находитесь в этом зале лишь потому, что многие здесь лояльны семье Ванфаринн. Это не относится ко мне. Обвиняя меня и моих людей во лжи, вы себе не поможете.

Взгляд Тельи метался между Римером и Даркдаггаром.

— Я бы никогда... Я не говорила... От злости легко потерять

голову, Вороносец. Говорят, многие сильные мужчины видели троллей в тумане, и мы...

— Троллей в тумане? — Ример поймал ее взгляд и удержал его. Судя по морщинам вокруг ее глаз, она была старше, чем он подумал вначале. Может быть, в этом источник ее смелости. Она знала — сейчас или никогда. — Кровь того, кого ты считаешь мифом, капала с моего меча. Я проткнул его сталью и смотрел, как жизнь покидает белые глаза. Я чувствовал его дыхание. Слышал рычание. И я помню, какой запах исходил от костра, в котором мы их сожгли.

Смех затих. Телья сглотнула и потупилась.

— Во имя Всевидящего, — произнес Даркдаггар. — Неужели нам надо устраивать из этого трагедию? Все, о чем нас просит семья, это о бальзаме на рану. Они потеряли члена Совета, Вороносец.

Взгляд каждого из присутствующих в зале обратился к пустому креслу. Никаких сомнений в том, что за бальзам был нужен семье, не осталось.

Ример вновь взглянул на Телью.

— Правда? И что же, кресло даст тебе ответы на все вопросы? Тебя перестанет интересовать, как он умер, если один из вас займет кресло за этим столом?

Телья помедлила, но у нее хватило совести отрицательно помотать головой.

— Конечно нет, — ответил Даркдаггар. — Но это как минимум станет гарантией того, что Урд не был убит из-за места в Совете.

В зале наступила тишина. Явное обвинение в убийстве было произнесено в присутствии посторонних. Ример обвел всех взглядом. Мужчины и женщины в три, а то и в четыре раза старше его. Они молчали, и большинство потому, что поддерживало Даркдаггара. А те, кто его не поддерживал, сидели тихо, чтобы не усугубить ситуацию еще больше.

Телья Варфаринн сделала шаг в сторону Римера.

— Вороносец, ты должен простить нас, нами движет горе!

Все эти разговоры о слепых и каменных вратах... Для нас это более чем непостижимо. Никто не видел доказательств того...

— Вздор! — прервал ее Ярладин. — Переполненный зал Ритуала видел, как Колкагги прорывались через врата и как разваливались стены. Если тебе нужны доказательства, ступай в гавань и купи кусочек красного купола!

Телья охотно ухватилась за эту возможность, как будто вела переговоры.

— Переполненный зал Ритуала — это множество разных историй, Ярладин-отче. Прости, но нас там не было. Мы слышали только, что здание обрушилось. Кто-то сказал, что стены не выдержали тяжести купола. Другие утверждают, что виной всему дрожь земли.

Даркдаггар сцепил руки на затылке.

— Как это ни трагично, но мы не можем вас успокоить. А ведь все могло быть очень просто. Но правда заключается в том, что врата столь же мертвы сегодня, как и тысячу лет назад, разве не так, Ворононосец?

Он посмотрел на Римера без улыбки, и только глаза его светились осознанием победы.

Ример сжал зубы. Все зашло слишком далеко. Он распахнул двери, и теперь в них ломались волки. Дипломатия больше не поможет.

— Имлинги могут болтать что хотят, пока не сгниют в Шлокне, — сказал он. — Они всегда так делали. Но это ничего не меняет. Я знаю, что произошло. Урд сам построил себе погребальный костер. Он был безумным псом.

Сигра преувеличенно громко ахнула. В глазах Тельи полыхнула искра, но пока ей удавалось сдерживать улыбку. Она схватила черный сверток, который держал ее муж, и подняла его вверх. Это была разрезанная кем-то мантия. На груди, там, где должен был находиться знак Всевидящего, виднелась прореха. Зияющая дыра над сердцем.

— Это принадлежало одному авгуру, Ворононосец. Его виде-